

DOI 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-28-42

УДК 398

**«Воздух свободы»:
беседа Бориса Николаевича Путилова
с Бенедиктой Ареггер 9 декабря 1994 г.
(комментарий и подготовка к публикации Е. И. Якубовской)***

АННОТАЦИЯ. Текст представляет собой расшифровку интервью с Борисом Николаевичем Путиловым, которое 9 декабря 1994 г. взяла студентка Цюрихского университета Бенедикта Ареггер. Молодая исследовательница расспрашивала известного ученого об изменениях, которые произошли в 1990-е годы в российской фольклористике, о его пути в науке и связях с зарубежными коллегами. Также были затронуты личные темы: казачье происхождение исследователя, определившее начальный период его полевой работы, музыкальные пристрастия как часть духовного мира ученого. Откровенный, почти исповедальный тон его повествования, простая и вместе с тем пронизанная глубочайшей культурой речь делают их беседу не только документом истории науки, но и свидетельством масштаба личности Б. Н. Путилова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: биография Б. Н. Путилова, фольклоризм, казачья культура, фольклористика в советскую эпоху, международные связи советских ученых

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: «Воздух свободы»: беседа Бориса Николаевича Путилова с Бенедиктой Ареггер 9 декабря 1994 г. (комментарий и подготовка к публикации Е. И. Якубовской). *Кунсткамера*. 2021. 1(11): 28–42. doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-28-42

* Публикацию подготовила Елена Ивановна Якубовская (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН), e-mail: elena_yakub@mail.ru

**“The Air of Freedom”:
A Conversation between Boris Putilov
and Benedicta Aregger on December 9, 1994
(Publication and Comments by Elena Yakubovskaya)***

ABSTRACT. On December 9, 1994, Benedicta Aregger, a student of the University of Zurich, made a compact cassette recording of her conversation with Boris Nikolayevich Putilov, a former Chief Researcher of the MAE RAS. The young researcher asked the venerable scholar about the changes that occurred in the 1990s in Russian folklore and about his academic path, connections with foreign colleagues. Personal themes also did not go unnoticed, including the Cossack origin of Putilov, which determined the initial period of his field work, as well as the scholar's musical taste as part of his spiritual world. The frank, almost confessional tone of Putilov's narrative, simple and at the same time imbued with the deepest culture of speech make their conversation not only a document of the history of science, but also an evidence of the scale of Putilov's personality.

KEYWORDS: biography of B. N. Putilov, folklorism, Cossack culture, folklore studies in the Soviet era, international relations of Soviet scholars

FOR CITATION: “The Air of Freedom”: A Conversation between Boris Putilov and Benedicta Aregger on December 9, 1994 (Commentary and Preparation for Publication by Elena Yakubovskaya). *Kunstkamera*. 2021. 1(11): 28–42. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-28-42

* This publication has been prepared by Elena Yakubovskaya (Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences), e-mail: elena_yakub@mail.ru

Студентка Цюрихского университета Бенедикта Ареггер¹ записала на компакт-кассету свою беседу с главным научным сотрудником отдела европеистики и общей этнографии МАЭ РАН Борисом Николаевичем Путиловым 9 декабря 1994 г. Молодая исследовательница расспрашивала маститого ученого об изменениях, которые произошли в 1990-е годы в российской фольклористике, о его пути в науке, осложненном грубым вмешательством марксистско-ленинской идеологии. Не остались без внимания и личные темы: казачье происхождение исследователя, определившее начальный период его полевой работы, музыкальные пристрастия как часть духовного мира Бориса Путилова. Откровенный, почти исповедальный тон его повествования, простая и вместе с тем пронизанная глубочайшей культурой речь, отеческое внимание к юной собеседнице делают их беседу не только документом истории науки, но и свидетельством масштаба личности Б. Н. Путилова.

Ниже мы предлагаем текст этой беседы, основанный на расшифровке документальной записи, которая хранится в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, составляя часть звукового собрания Б. Н. Путилова². При подготовке интервью к печати нам казалось важным сохранить живую интонацию речи ученого, который был исключительно интересным собеседником, причем не только и не столько благодаря своим глубоким и разнообразным знаниям, научной эрудиции, но и вследствие душевного расположения к собеседнику, кем бы он ни был, способности самому увлекаться темой разговора — чего стоит одно только его проникновенное: «Понимаете?» Поневоле приходится жалеть о том, что письменный текст не может донести до читателя характерный «путиловский» мягкий голос и интонацию, которые вспоминают все, кто с ним общался.

Готовя текст устной беседы к публикации, мы стремились максимально приблизить письменный текст к живой речи ученого и его собеседницы³. Отвечая на вопросы, Б. Н. Путилов размышляет вслух, припоминает, иногда при этом начатая фраза остается незавершенной. В этих немногих случаях мы решились предложить свой вариант ее окончания, заключив его в квадратные скобки.

Беседа началась с обсуждения темы исполнения аутентичного фольклора на эстраде, явления, определяемого как фольклоризм, — темы, весьма актуальной в 1990-е годы. К сожалению, в записи не зафиксировано начало его ответа на вопрос Б. Ареггер. Микрофон включается лишь тогда, когда Б. Н. Путилов говорит о том, что в России в XVIII–XIX вв. «хоры песенников» могли исполнять фольклор, в том числе в крепостных театрах.

ФОЛЬКЛОР И ФОЛЬКЛОРИЗМ

Борис Путилов: ...Я не знаю, выступали ли они в театре — были такие театры частные, крепостные театры. Например, у Шереметьева в Петербурге здесь был театр: свой, из крепостных. Я не знаю, «играли» ли там песни и «на музыке»⁴ или только ставили [спектакли]. В трактирах могли выступать... Во всяком случае, это очень старая традиция, в XIX в. она наверняка производится, но я думаю, что она уходит в более глубокую древность.

¹ Бенедикта Ареггер (Benedicta Aregger) в 1999 г. окончила Цюрихский университет со степенью магистра социальной антропологии, этномусикологии и русской литературы (Master in Social Anthropology, Ethnomusicology and Russian literature, Universität Zürich). В 2014 г. получила сертификат повышения квалификации Высшей школы менеджмента и права Цюрихского университета в области международных отношений и прикладной дипломатии (CAS Foreign Affairs & Applied Diplomacy, ZHAW School of Management and Law). Ныне старший менеджер по политическим вопросам (Senior Manager Political Affairs) в Swissgrid AG, старший консультант (Senior Consultant) агентства «Furrerhugi».

² Ввиду того что звуковое собрание Путилова находится в настоящий момент в процессе научного описания и записи не получили окончательной архивной нумерации, приводим условный номер: МФ. К/касс. 05А-05Б.

³ Автор публикации выражает сердечную благодарность уважаемой коллеге по Фонограммархиву кандидату искусствоведения С. В. Подрезовой за творческую помощь в процессе подготовки текста.

⁴ Б. Н. Путилов здесь имеет в виду привычные ему с детства казачьи термины играть песни — петь песни и играть на музыке — играть на музыкальных инструментах.

Бенедикта Ареггер: А в фольклористике к этому плохое отношение?

Борис Путилов: Нет, почему! Оно не плохое. Я думаю, что это уже нечто другое. Понимаете, то, что ушло на эстраду — это уже не чистый фольклор, потому что фольклор, я считаю, это то, включено в быт, в жизнь традиционной среды. А вот этот переход [на эстраду] — это уже фольклоризм, и к этому надо относиться как к фольклоризму. Конечно, [среди традиционных исполнителей, выступающих на эстраде] могут быть еще мастера, знатоки песни, от них можно записывать песни, безусловно, их можно публиковать в сборниках... Но сама жизнь фольклора уже меняется. А потом меняется, конечно, и сам фольклор.

Вот Вы говорите Андреев. Он начал с ансамбля народных исполнителей, а кончил — сейчас, Бог знает, оркестр имени Андреева — Вы никогда не слушали? Это... Там чего только нет! Там, Бог знает, уже фольклорного ничего не осталось. И уже судить этот оркестр надо совсем по другим законам — по законам профессионального искусства.

Бенедикта Ареггер: А Вы лично, конечно, более интересуетесь живой традицией...

Борис Путилов: Да, я люблю живую традицию.

Бенедикта Ареггер: Мне сказал фольклорист, который занимается преимущественно народными инструментами⁵, что, когда исследователь включает микрофон, чтобы задавать вопросы, исполнитель уже играет «не по-настоящему», это уже тогда почти фольклоризм...

Борис Путилов: Да... может быть, может быть... Вы знаете, бывали случаи порчи народных исполнителей, понимаете? Вот народный мастер, сказитель, песенник живет в селе: его знают только свои. Приезжают фольклористы, «открывают» его. Он становится известным, к нему начинают приезжать, один, другой, третий, его вытаскивают в Москву, он там выступает. Он постепенно портится, с ним что-то происходит.

Бенедикта Ареггер: То есть влияние может быть и плохое, и хорошее.

Борис Путилов: Да. Это зависит от обстоятельств, это зависит от самого человека, это зависит от ученых, которые его окружают вниманием, понимаете? Вот, например, в 1930-е годы у нас некоторые фольклористы стали подталкивать былинных сказителей и сказочников к тому, чтобы они сочиняли «советские» былины и «советские» сказки. Эти сказители сочиняли одну-две былины, их принимали в Союз писателей, окружали почетом. Ничего хорошего из этого не получалось.

Бенедикта Ареггер: А у Вас был случай показать исполнителя в Москве, чтобы он выступил там?

Борис Путилов: У меня был. В 1945 г. я был в экспедиции на Тереке у казаков. И там мы нашли очень хороших певцов. У меня вышла потом книга, сборник песен гребенских казаков (Путилов 1946). В 1946 г. в Москве был фестиваль⁶. Я не помню уж, каким образом, о них узнали и их послали в Москву. Это были три женщины и один мужчина-казак, огромный такой. Им сшили красивые платья, и они поехали туда. Они выступали, спели песни, вернулись домой. И всё, ничего! Они потом дома жили себе спокойно, пели, как и всегда, ничего с ними не произошло дурного. Может быть, если бы их стали периодически вызывать для выступлений, это бы их испортило. А это был просто эпизод в их жизни, очень памятный: они побывали в Москве, а так они туда не попали бы... Потом вышла моя книга, я им всем прислал эту книгу. Вот и все.

Были у нас сказители в XIX в., на которых их всероссийская известность и выступления на эстраде никак не отразились. Вот я не помню, о каком сказителе рассказывали, что его пригласи-

⁵ Скорее всего, речь здесь идет об Ульрихе Моргенштерне (Ulrich Morgenstern, Wien) — известном этномузыкове, мастере традиционных инструментов, пропагандисте русской народной инструментальной традиции. Он окончил музыковедческий факультет Гамбургского университета по специальности «системная музыкология», защитив магистерскую работу «Народные музыкальные инструменты и народная инструментальная музыка в России». В 2003 г. защитил диссертацию на тему «Исследования по локальным традициям народной инструментальной музыки в Псковской области». С 1989 по 1998 г. проводил полевые исследования в Северной Беларуси, Псковской, Новгородской, Рязанской и Архангельской областях.

⁶ Всесоюзный смотр хоровых и вокальных коллективов проходил в Москве в мае 1946 г.

ли в Петербург, он выступал в Географическом обществе, выступал перед музыкантами, посмотрел Петербург — ему это, конечно, очень понравилось, а потом заскучал. И говорит: «Поеду я домой к себе»⁷.

ФОЛЬКЛОР И ФОЛЬКЛОРИСТЫ

Бенедикта Ареггер: Довольно часто бывает, что фольклорист изучает фольклор в проекции, предложенной учеными и вообще государством. Мне интересно узнать, здесь, в Союзе, кто этим занимался?

Борис Путилов: Понимаете, я думаю, что у нас никто по-настоящему серьезно, объективно об этом не писал, потому что объективно об этом писать было в общем-то нельзя. Негде было бы напечатать такие собственные [критические размышления]. У нас существует большое количество статей, разного рода работ, но это в таком, знаете, так сказать, *положительном ключе*: вот советская власть, вот партия, как они заботятся, как расцветает искусство, как хорошо, как прекрасно — вот так. Читая такие статьи, вы, конечно, можете оттуда что-то извлечь объективно полезное, но в принципе... Может быть, там и были какие-то моменты критики, но я не знаю, честно говоря.

Бенедикта Ареггер: И еще вопрос. Вам известно, существуют ли работы про самих фольклористов, про исследователей, какая у них была мотивация этим заниматься? И может быть кто-то написал биографию? Или такой традиции нет?

Борис Путилов: Особенной традиции нет, но, конечно, найти можно. Я думаю, что надо Вам посмотреть просто библиографический указатель. Татьяна Григорьевна Иванова из Пушкинского Дома⁸, которая последнее время ведет библиографические указатели, я думаю, что она Вам скажет. Микаэла Яковлевна Мельц⁹, наверное, Вам могла бы сказать. Она ведь много лет была составителем библиографических указателей по русскому фольклору, потом она ушла на пенсию, и сейчас эту работу ведет Т. Г. Иванова¹⁰. Они могли бы Вам сказать, я думаю.

Я знаю, что у В. Я. Проппа на этот счет ничего нет. У него просто: например, он говорит, что он закончил университет, стал работать в гимназии и читать сказки Афанасьева. И когда стал читать сказки, он вдруг обнаружил то, что раскрыл потом в «Морфологии сказки» — вот так у него началось это всё. Но это интересная тема, это интересный вопрос, который Вы задали. Как-то я не очень обращал на это внимание, но вот сейчас я начинаю вспоминать. Я думаю, что есть, конечно, есть, должны быть... все-таки Вам стоит Мельц спросить на тему о том, где что написано, она Вам очень хорошо может рассказать.

Бенедикта Ареггер: У нас очень многие этим занимаются.

Борис Путилов: Видите, это законный вопрос: почему? Потому что у нас ведь нет фольклорной специализации в университете. Студент идет в университет на филологический факультет,

⁷ Речь идет об Иване Трофимовиче Рябинине — представителе известной династии сказителей Заонежья. Пение былин перед образованной публикой было для И. Т. Рябинина довольно выгодным в материальном отношении делом: организаторы его концертов постарались дать ему хороший заработок. И все-таки вскоре, оторванный от обычной крестьянской обстановки, он стал томиться: «А уеду я домой от вас, — больно соскучил ужо, вот соберусь и уеду! Прах их побери — деньги!» — внезапно решает Иван Трофимович и делает энергическое движение рукой. Оторванный от обычной крестьянской обстановки и обычного крестьянского дела, он, действительно, давно уже тоскует по родине и родным. Все его заветные думы сосредоточены на том, как-то идут в его отсутствие хозяйственные дела, исполняются ли его распоряжения и, что в особенности беспокоит его, это — «ладно ли в семье-то и не случилось ли чего, сохрани Бог, со скотинкой» (Ляцкий 1894: 123–124).

⁸ Иванова Татьяна Григорьевна (р. 1953) — российский филолог, ведущий научный сотрудник отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

⁹ Мельц Микаэла Яковлевна (1924–2003) — библиограф и историограф русской фольклористики, создатель источниковедческой базы по русскому фольклору.

¹⁰ Б. Н. Путилов имеет в виду издание: Русский фольклор: библиогр. указ. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Б-ка Рос. акад. наук (БАН). СПб., 1961–2017. Указатель содержит материалы на русском языке по истории и теории русского народного поэтического творчества, публикации текстов. Издание включает опубликованные в отечественной печати книги, статьи в сборниках, журнальные и газетные публикации, учебную и справочную литературу, музыкальные и литературные обработки фольклора, в том числе пересказы для детей. К 1994 г., когда происходила беседа, вышли в свет следующие выпуски: (Русский фольклор 1961; 1966; 1967; 1981; 1984; 1985; 1987; 1991; 1993).

и там, на филологическом факультете, он может стать или историком русской литературы, или историком какой-то зарубежной литературы, или лингвистом, или вот может стать фольклористом. Но ведь нужен какой-то толчок!

Бенедикта Ареггер: Как Вы думаете, какое направление в филологии более всего связано с фольклористикой?

Борис Путилов: Приблизительно до конца XIX в. основное влияние на фольклористику было филологическим: лингвистика, история литературы. На русскую фольклористику влияли идеи братьев Гримм, вообще мифологической школы. Потом сложилась у нас своя школа. Вот Буслаев Федор Иванович был фольклорист, историк древнерусской литературы, лингвист. И дальше так это все продолжалось: например, Потебня у нас был яркий лингвист и фольклорист. «Чистых фольклористов» вообще у нас было очень мало в старой науке. Обычно ученый был одновременно историк литературы, лингвист и фольклорист.

Где-то с конца XIX в. началось влияние этнографии. Стали издаваться журналы «Этнографическое обозрение», «Живая Старина», и целая полоса до революции прошла под знаком очень сильного влияния этнографии. Стал обозначаться союз фольклористики с этнографией, и некоторый даже отход от филологии, от литературоведения, что я считаю вполне закономерным и полезным для науки. Примерно в 1920-е годы это немного еще продолжалось, но потом было резко нарушено. Почему? Внедрение марксизма в науку, которое тогда происходило, было связано со стремлением подчинить фольклористику литературоведению, не просто союз, а именно подчинить. Фольклор стали приравнивать к литературному творчеству и переносить на него все законы литературного творчества, понимаемые в марксистском духе, в классовом духе.

Понимаете, литературоведение уже было очень сильно пронизано марксистскими идеями, и фольклористику как бы включили в литературоведение. И вот с конца 1920-х годов примерно до середины 1950-х годов у нас господствовало понимание фольклористики как литературоведческой науки, со всеми положительными результатами и отрицательными последствиями. Отрицательными результатами было... Во-первых, литературоведение у нас тогда было очень конъюнктурной наукой. Как только что-нибудь в нашей политической жизни поворачивалось, то литературоведение уж тут как тут, понимаете? И фольклористика должна была тут же догонять! Ну, например, где-то возникает дискуссия о реализме. Сразу же это переносится в фольклористику. Хотя какое дело фольклористике до проблем реализма! И так дальше. Это был первый недостаток.

Второй недостаток — стиралась специфика фольклора. Природное своеобразие фольклора как явления, как феномена культуры начинало стираться, потому что он уподоблялся литературному творчеству со всеми вытекавшими отсюда задачами. В том числе была идея, что партия руководит литературой. Значит, партия должна руководить и фольклором, понимаете? И был целый ряд таких отрицательных вещей. Положительными были два момента. Первое — через филологию, через литературоведение мы научились анализировать художественные особенности фольклора как искусства слова. Вторая положительная особенность — у литературоведения, у филологии мы взяли законы текстологии (с поправками и т.д.).

И вот где-то со второй половины 1950-х годов, когда вообще у нас потеплело в нашей общественной жизни, все-таки начались перемены к лучшему, началась борьба, так сказать, за освобождение фольклористики из-под власти литературоведения. В этой борьбе, конечно, исключительную роль сыграл В. Я. Пропп — исключительную! Он, можно сказать, был главой этого направления. Он был прекрасный филолог, и все лучшее, что можно было от филологии взять фольклористике, он взял, но вместе с тем его работы были пронизаны осознанием огромной роли специфики фольклора как культурного явления, в связи с чем и изучать фольклор, и познавать фольклор можно только на путях этнографизма. Вот я, например, в 1967 г. ушел из Пушкинского Дома, потому что я понял, что в этом учреждении все равно эту власть литературоведения — ее не преодолеть! Вот я и ушел оттуда в Кунсткамеру.

О СВЯЗЯХ С ЗАРУБЕЖНЫМИ КОЛЛЕГАМИ

Бенедикта Ареггер: Какая у Вас информация о зарубежных фольклористах и фольклористике?

Борис Путилов: Если брать XX в. уже, то с 1920-х годов у нас стал известен и популярен Фрэзер. И «Золотая ветвь», и «Фольклор в Ветхом Завете» — обе эти книги были переведены. Был переведен Леви-Брюль. Был переведен Фрейд, но фрейдизм у нас был как-то очень сильно осужден, и у нас, по существу, никакого влияния на фольклористику не оказал. У нас нет работ в фрейдистском духе. У нас есть работы, в которых видно использование идей Фрэзера, Гэйлора, Леви-Брюля, позднее — Леви-Строса, а Фрейд — нет, к сожалению. И, к сожалению, у нас совершенно (или почти совершенно) оказался вне поля зрения фольклористов Малиновский¹¹. Его не перевели¹² — его считали «агентом колониализма», и поэтому его очень мало использовали... ну вот я в своих работах по фольклору Новой Гвинеи его использовал. В четвертом номере «Живой старины» у меня будет статья о Малиновском — о том, что надо возродить интерес к Малиновскому (Путилов 1994в). К сожалению, получилось так, что весь мир уже пережил Малиновского, он уже прошлое, так сказать, он уже классик, уже его и раскритиковали...

Бенедикта Ареггер: Ну ведь опубликованы еще раз его дневники¹³. Вы слышали?

Борис Путилов: Дневники? Нет.

Бенедикта Ареггер: Там, конечно, очень интересно, как он сам для себя лично пишет, не для публикации, и это осветило его работы по-новому. Для нас-то, конечно, он классик, мы все начинали в принципе с него и думали, что все, что там написано в его трудах, — абсолютная правда. А потом вышли его дневники тех лет, и он там пишет, как он себя там плохо чувствует, как ему надоело там, как он хочет домой...

Борис Путилов: А, это дневники тех лет, тробрианских? Я к нему отношусь с большой симпатией; я его считаю великим ученым XX в. Но так получилось, что у нас... Леви-Строс популярен у нас примерно с 1960-х годов, но он все-таки не получил массовой популярности. Я бы сказал так: он у нас имеет такую элитарную популярность, во-первых, потому что переведена всего только одна «Структурная антропология» (Леви-Строс 1980; 1983)¹⁴. А вот его мифологические работы — это не переведено, значит, это мало доступно широкому читателю¹⁵. А во-вторых, конечно, он очень труден для рядового фольклориста.

Бенедикта Ареггер: То есть вообще существует не очень много переведенной литературы.

Борис Путилов: Да, конечно. Ну вот, [М.] Мид у нас переведена уже сейчас (Мид 1988), Морган у нас переведен (Морган 1983). Можно было бы еще кого-то вспомнить, но в общем-то, конечно, у нас в фольклористике очень долгое время существовал такой если не «железный занавес», то что-то вроде этого. Ведь что получается: Леви-Брюль последний раз переведен, кажется, в 1936 г. (Леви-Брюль 1937), Фрэзер был переведен в 1920-е годы (Фрэзер 1928; 1931), Морган был переведен где-то в 1930-е годы (Морган 1934), и потом наступает лет двадцать-двадцать пять, когда вообще никого не переводили из фольклористов и этнографов. Только ругали — издавали книги, в которых *разоблачали* этих ученых. А прочитать этих ученых можно было только где-нибудь в одной или двух библиотеках, на их собственных языках. Какой-то слабый перелом в таком положении начался в 1980-е годы, когда заново перевели Фрэзера (Фрэзер 1980; 1985), Леви-Строса (Леви-Строс 1983; 1984), еще кое-кого стали переводить...

¹¹ Бронислав Малиновский (1884–1942) — один из самых известных и влиятельных антропологов начала XX в.

¹² Через несколько лет после этой беседы одна из работ Б. Малиновского выйдет в свет в русском переводе: (Малиновский 1998).

¹³ “A Diary in the Strict Sense of the Term” («Дневник в строгом смысле слова») — коллекция личных дневников Бронислава Малиновского, написанных во время его полевых работ в Новой Гвинее и на Тробрианских островах в период с 1914–1915 по 1917–1918 гг. Впервые опубликованы посмертно его вдовой в 1967 г. Второе издание с предисловием Раймонда Ферта (Raymond Firth) увидело в свет в 1989 г. (Malinowski 1989).

¹⁴ В 1984 г. в переводе была издана работа, написанная К. Леви-Стросом в 1955 г., «Печальные тропики» (Леви-Строс 1984).

¹⁵ Перевод 1-го тома «Мифологии» вышел только в 2000 г. (Леви-Строс 2000).

Вот появилась у нас сейчас серия «Этнографическая библиотека». В ней переведены Леви-Строс, Мид, Морган, и еще скоро будут переводы, но в общем мало, конечно, мало. Мало. А если учесть, что наши фольклористы не очень хорошо знают языки, а еще если учесть, что иностранная литература в одной библиотеке в Москве и в одной библиотеке в Петербурге, то вот и получается, что интерес и знание современной этнографической, фольклористической классики у нас носит элитарный характер.

Бенедикта Ареггер: А у Вас лично есть какие-то связи с зарубежными университетами или учеными? Вы общаетесь с кем-то из Франции, например?

Борис Путилов: Из Франции, кажется, нет. Были у меня эпизодические общения с немецкими учеными: с Ранге¹⁶ я встречался, с Брауном¹⁷ я встречался, в общем были человек пять-шесть немецких ученых, с которыми мы общались, обменивались работами. Затем я хорошо общался с Карлом Стифом — это известный датский фольклорист¹⁸. С американскими учеными я общался, с Ойнасом¹⁹, например. И сейчас со многими мы общаемся: я там был, и они тут бывают.

Бенедикта Ареггер: То есть в Америке бываете?

Борис Путилов: Да. Вот в марте-апреле я там был, в этом году. Я был в Вирджинском университете. Потом был в Бёркли, в Мэдисоне и еще в одном месте — Массачусетсе. В двух случаях была конференция, в одном случае я читал лекции, в двух или трех случаях я выступал с докладами.

Бенедикта Ареггер: Там студенты говорили по-русски?

Борис Путилов: Нет, я читал по-английски. Перед студентами я читал по-английски, а в Бёркли были кафедры, где я читал по-русски. Вот с Дандисом²⁰ мы там общались.

В основном же я общался с учеными восточноевропейских стран. С ними у меня было очень много общения: с болгарскими, югославскими, особенно со словацкими. С финскими учеными я также общался. Вот из немецких еще Шмаус²¹ был такой, славист, с которым мы общались. У меня была статья в сборник его памяти (Путилов 1971). Но вообще с западногерманскими учеными общение было очень трудным, в основном я с ними в Югославии виделся чаще всего или на конгрессах иногда. С учеными из ГДР мы больше общались; например Штробах из Института этнологии²², мы общались, и даже совместные издания у нас были (Народные знания 1991).

Бенедикта Ареггер: Это самое последнее время, в течение десяти лет?

Борис Путилов: Нет-нет, я бы назвал дату — 1958 г. Тогда был съезд славистов в Москве. Вот на этом съезде я и познакомился с Брауном, со Стифом, со Стендером-Петерсеном²³ (это тоже датский ученый). А потом я с ними встречался в Венгрии в 1963 г. на конгрессе, как раз вот с Ранге мы познакомимся в 1963 г., и потом в Югославии (но туда ездить было очень сложно). В ГДР я был, в Будапеште я был, много раз я был в Югославии, в Болгарии, много раз в Чехословакии. А вот в Западной Германии я не был ни разу, хотя они меня звали. И в Швецию меня звали, но меня тоже туда не пустили. Так даже... даже не «не пустили», а мне сказали: «Да нет, ну зачем Вы туда поедете?»

¹⁶ Ранге Йохен Дитер (Jochen Dieter Range) — немецкий балтист и славист (р. 1941). С 1997 г. доктор Йохен Д. Ранге — директор Института балтийских исследований Университета Грайфсвальда.

¹⁷ Браун Максимилиан Фёдорович (Maximilian Braun, 1903–1984) — немецкий славист, переводчик, писатель русского происхождения. Родился в Петербурге, учился в гимназии К. Мая (1913–1919). Профессор Геттингенского университета, участник Международного конгресса славистов в Москве (сентябрь 1958 г.).

¹⁸ Стиф Карл (Carl Stief, 1914–1998) — профессор славистики в Копенгагенском университете. Опубликовал развернутую рецензию на статью Путилова (Путилов 1958), где также высоко оценивается его книга «Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков» (Путилов 1960), в журнале “Scando-Slavica” (Stief 1963). В личной библиотеке Б. Н. Путилова имеется книга Стифа о русских исторических песнях (Stief 1953) с дарственной надписью автора.

¹⁹ Ойнас Феликс Йоханнес (Felix Johannes Oinas) — эстонский и американский фольклорист и лингвист (1911–2004).

²⁰ Дандис Алан (Alan Dundes) — один из ведущих современных фольклористов США, профессор Калифорнийского университета в г. Беркли (род. 1934).

²¹ Шмаус Алоис (Alois Schmaus) — немецкий славист и балканист (1901–1970).

²² Штробах Герман (Hermann Strobach) — немецкий историк-германист и фольклорист (1925–2018).

²³ Стендер-Петерсен (Stender-Petersen) Адольф (1893–1963) — датский славист. До 1916 г. жил в России, учился в Петербургском университете. Один из основателей (1931) кафедры славистики в Орхусе (Дания). В 1954–1963 редактор журнала “Scando-Slavica”.

Бенедикта Ареггер: И всё?

Борис Путилов: И всё (смеется). С итальянскими коллегами у меня были связи — тоже в основном через Югославию и через Россию — они приезжали в Россию. Ну, с англичанами я не помню, что-то было тоже...

Бенедикта Ареггер: А Земцовский пишет, что аутистика (в том смысле, что это связано с изоляцией страны) — это даже полезно...

Борис Путилов: Возможно. Вот Пропп ведь нигде не был. Нигде не был: он дальше Москвы вообще никуда не ездил. Единственный раз он участвовал в международном конгрессе в 1958 г. В 1964 г. в той же Москве был конгресс антропологических и этнографических наук. Ему сначала поручили — наш советский оргкомитет поручил — руководить секцией, и он готовился к этому, а потом его даже не позвали. Вот такая была обстановка. Но он хорошо знал зарубежную науку, в пределах доступных ему, по наличию книг, журналов в наших библиотеках. Он ведь свободно владел европейскими языками, он знал классические языки, так что для него этой проблемы не существовало.

Бенедикта Ареггер: То есть если у человека было такое желание иметь широкий горизонт, то он мог?

Борис Путилов: Возможно, да, возможно.

Бенедикта Ареггер: Хотя трудно...

Борис Путилов: Возможно, но трудно. Трудно по разным причинам, начиная с того что у нас владели языками по-настоящему единицы, за исключением тех, кто получил старое, дореволюционное образование — они владели. А кто у нас учился в тридцатые-сороковые годы, это единицы. Это были люди, которые... ну вот Эткинд, например (знакомо Вам имя?) — это очень известный филолог. Да, Ефим Эткинд — очень известный наш филолог (он не фольклорист, он филолог), который вынужден был эмигрировать во Францию. Там он и сейчас живет, ведет большую работу. Он у нас часто бывает в Советском Союзе²⁴. Вот он — прекрасный филолог, он учился в 1930-е годы на кафедре германской или романо-германской филологии, вот он знал языки. А те, кто учились на русских отделениях — ну в лучшем случае они получали знания в одном каком-то иностранном языке, могли читать, без перевода — это в лучшем случае. Так что это было большое препятствие. А кроме того, отсутствие контактов, конечно.

Но все-таки я Вам скажу так: конечно, наша рядовая наука — на ней лежит сильный налет провинциализма (или лежал), а что касается элитарной науки, то она у нас всегда была на высоком уровне. Ученые типа Е. М. Мелетинского, скажем, индолога Н. П. Гринцера (это я беру наше поколение, я не беру старых ученых: Проппа, Азадовского и т.д.), М. В. Раевский, скажем (я беру из разных сфер), С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик — это всё ныне здравствующие ученые, всё это люди, и образованные на уровне современной науки, и творческие. И прекрасные у них книги, и прекрасные теории, так что вот, так сказать, «верхушка» нашей науки, она, я могу сказать, ничем не уступает европейской «верхушке». Потому что у нас все-таки сохранялась хорошая школа: школа Жирмунского, школа Проппа, школа Азадовского, школа Астаховой, школа Богатырёва. У нас была хорошая школа, было на кого равняться, ориентироваться, у кого учиться, и поэтому при всех трудностях, общественных, конкретных, бытовых и так дальше, все-таки у нас в сфере востоковедения, индологии, монголоистики, славистики, в целом ряде разделов у нас все-таки сохранились традиции, и в любой области науки можно назвать нескольких ученых, которые стоят на достаточно высоком уровне. Но дальше вот, если брать «низ» — это, конечно... И все-таки, при всем том, что идеологический контроль был достаточно жесткий — ну, может быть, потому что большая страна — за всеми не углядишь, как говорится!

К сожалению, беда наших общественных наук заключалась в том, что, во-первых, у руководства стояло очень много посредственных людей, у официального руководства — директора институтов, руководители отделений Академии наук, заведующие отделами и так дальше — вот

²⁴ Именно так, по многолетней привычке так называть свою страну!

эти люди. Они часто были не ученые того «высшего» типа, а *средние*, так сказать. А с другой стороны, всегда в любом или почти в любом научном коллективе находились, как я говорю, «блюстители марксистской идеологической нравственности», понимаете, которые следили за всем, что происходило. Они и без всякого партийного призыва первые впивались во что-нибудь такое, с их точки зрения, неблагополучное, ненормальное. Например, вышла книга Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Ну какое дело райкому или обкому до этой книги? Они бы и не заметили этой книги, но фольклористы же, первые фольклористы подняли крик о том, что это книга идеалистическая, что это книга антимарксистская, что в ней низкопоклонство перед Западом, что... и пошло, и пошло, и пошло! Вы почитайте «Советскую этнографию» за 1948 г., где обо всем этом говорится: это фольклористы, это не партийные руководители делали, понимаете?

Так что, с одной стороны, время от времени бывала команда «сверху»: «разгромить» там что-то, «навести порядок». А с другой стороны, «снизу» тоже могли проявлять очень часто инициативу! И чаще всего это были посредственности, бездарные, которые сами ничего не могли написать интересного, могли только вот так...

Бенедикта Ареггер: За эти последние десять лет многое изменилось?

Борис Путилов: Конечно!

Бенедикта Ареггер: Вот эти бывшие «председатели» ушли...

Борис Путилов: Ну, может быть, они и есть, но мы их не знаем. Ну а что они могут сейчас сделать — ничего! Я могу написать все, что я хочу. Единственная проблема — найти место, где можно это напечатать. Если в журнал, так журнал меня напечатает или не напечатает не потому, что я «чего-то против марксизма», а потому что нету места там или им это не интересно, у них какие-то другие заботы и все прочее... Сейчас никаких абсолютно этих старых проблем нет.

Мы вот два года подряд проводим международные Лордовские конференции. Альберт Лорд — знаменитый американский фольклорист, ученик М. Перри, он создал теорию, целую школу (см.: Путилов 1994б)²⁵, его программная книга “The Singer of Tales” (Lord 1960). И вот после его смерти мы стали устраивать Лордовские конференции, посвященные проблемам эпического сказительства. Первую конференцию мы устроили в 1992 г. здесь, в Петербурге (Клейнер и др. 1993). Если бы это было лет шесть-семь тому назад, мы должны были бы... мы бы даже и не стали это затевать, потому что мы должны были бы об этом, во-первых, сказать директору. Директор немедленно бы позвонил в обком. В обкоме бы ему сказали: «Как! Вы хотите пропагандировать американского буржуазного ученого? — Ни за что!» Вот так. А здесь мы директору сказали, что вот мы проводим такую конференцию. — «Ну, проводите, ваше дело».

Бенедикта Ареггер: То есть вы в принципе хорошо относитесь...

Борис Путилов: К Лорду (смеется)?

Бенедикта Ареггер: Нет, к изменениям.

Борис Путилов: Конечно! Ну вот Вы почитайте в первом номере мою статью на эту тему (Путилов 1994а). Конечно, свобода! Мы ее ощущаем.

Бенедикта Ареггер: Вы ее ожидали?

Борис Путилов: Ну, честно говоря, мы не очень рассчитывали, что так будет. Мы уже думали, что на наш век уже как-то... А свобода — это очень хорошо. Замечательно. Мы ощущаем это. Конечно, есть другие стороны — стало труднее издаваться. Но ничего! Вот журнал появился: ни за что бы этого журнала в советское время не было, ни за что! «Живая старина!» В свое время были целые погромные статьи против того, что фольклор рассматривается как живая старина. «Как это — “живая старина”? Фольклор — это наше социалистическое искусство! Оно должно нам помогать идти к коммунизму и т.д., а вы там “живую старину”...» А вот теперь — пожалуйста! Нет, сейчас очень хорошо.

²⁵ См. также послесловие Б. Н. Путилова к инициированному им первому русскому изданию книги А. Б. Лорда «Сказитель» (Путилов 1994г: 323–342).

О МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРИСТРАСТИЯХ

Бенедикта Ареггер: У меня еще вопрос по поводу музыки. Когда Вы начали работать, исследовать фольклор, изменились ли Ваши привычки, какую [стали] слушать музыку?

Борис Путилов: Не знаю. Ну что я могу сказать по этому поводу? Я ведь, скажем, казачью народную песню, я же с детства знал. Но знал все-таки не так, потому что одно дело, когда поют в семье, дома — свои: мама, тетя, — а другое дело, когда я слышу это [в экспедиции]. Так что, конечно, когда я узнал по-настоящему народную многоголосную песню, в полевой работе, она меня очень привлекла, мне очень понравилась. Я ее очень полюбил. Настолько она мне дорога, настолько я ее люблю и ею дорожу, что я, например, абсолютно не воспринимаю народную песню в профессиональном исполнении, в исполнении профессиональных певцов. Нет, абсолютно! Пусть это Шаляпин, пусть это будет Нежданова, самые великие певцы наши — я не слушаю в их исполнении народные песни. Я понимаю, что это не их дело. Их дело — петь арии, романсы, в операх — вот это их дело, а петь народную песню они не должны. То есть не то, что не должны... а тот, кто знает подлинную *живую* народную песню, тот их не может слушать, понимаете! Не может их воспринимать. И вот все эти ансамбли — я к ним очень спокойно отношусь: могу послушать, но отношусь спокойно, потому что я знаю подлинную традицию, и очень сильную. Единственный ансамбль, который я слушаю с удовольствием, с интересом — это ансамбль Покровского. Знаете Покровского?

Бенедикта Ареггер: Да.

Борис Путилов: Это вот что-то, что вышло за грани фольклоризма — что-то *такое*, понимаете? А так... А вот интересно, что в Югославии, например, где я тоже очень хорошо знаю живую песенную традицию в ее самых разных областных проявлениях, я с удовольствием слушаю «эстрадную» народную песню. Может быть потому, что это не совсем, не полностью *мое* национальное искусство, понимаете? Там я, пожалуйста, могу: у меня полно пластинок с этими певцами, которые поют как бы народную музыку, а на самом деле шлягеры они поют! Слушаю с удовольствием. А дома — нет! Не люблю, не могу. Но это никак не повлияло на мое восприятие классической музыки. Если я хочу послушать музыку, то я иду в филармонию.

Бенедикта Ареггер: А композиторы какие?

Борис Путилов: Вы знаете что — самые разные. Я люблю Баха, очень люблю Шумана, очень люблю Шостаковича, очень люблю Моцарта — самые разные. Но так, если в жанровом плане, я больше всего люблю симфоническую музыку. Да я почти любую симфонию с удовольствием буду слушать, будь это Малер, будь это Калининков... Музыка для фортепиано с оркестром, скрипки с оркестром — вот это мои любимые жанры, просто сонаты фортепианные, скрипичные — вот такие вот вещи! Очень спокойно отношусь к органу, как ни странно, равнодушен к профессиональной хоровой музыке. Хоры не слушаю.

Бенедикта Ареггер: Церковные?

Борис Путилов: Церковные — да, слушаю. Ну, церковная музыка — это не концертная, а вот так обычные бывают хоровые концерты — нет! Другое дело месса или там симфония бетховенская с хором — это другое дело, а вот так, чтобы вечер хоровой музыки — нет, не стану слушать. Мне кажется, скучновато это: я всегда при этом вспоминаю казачьи песни...

Бенедикта Ареггер: А вы где родились?

Борис Путилов: Я родился на Северном Кавказе. Казак. Моя мать — казачка. Вот сейчас, если Вы слушаете радио, смотрите телевизор, там часто мелькает название города Моздок, это сейчас там, видимо, такой штаб нашего войска, которое воюет в Чечне. Так вот под Моздоком моя мама родилась — моздокская казачка.

О НОВЫХ КНИГАХ И ЖУРНАЛАХ

Борис Путилов: Вы сколько еще здесь будете?

Бенедикта Ареггер: До конца января, февраль.

Борис Путилов: Дело в том, что выйдет список моих работ: библиография, полная (Борис Николаевич Путилов 1995). У Вас есть до 1978 г., а теперь она выйдет, во-первых, до конца, а потом все-таки со всякими дополнениями. Но я не знаю, когда она выйдет: наверное, в январе она еще не выйдет. И потом журнал «Кунсткамера», там тоже должна выйти большая статья обо мне в 4-м номере, сейчас вышел 3-й номер²⁶.

Бенедикта Ареггер: Это тоже кварталный журнал?

Борис Путилов: Да, кварталный. Пока вышло только три номера. Они вышли так: первый вышел, второй-третий сдвоенный и четвертый, но в принципе вышло три номера: он в этом году стал издаваться. Хороший журнал.

Потом у нас вот сейчас начнет выходить «Курьер Кунсткамеры» — небольшой журнальчик²⁷. Все это раньше было совершенно невозможно: для того чтобы в нашей стране издавать журнал, нужно было специальное постановление Центрального комитета партии — только вот так! Это значит, что практически издавать новые журналы было невозможно, а сейчас они как грибы растут! Конечно, наверно, какие-то не переживут финансовых трудностей, но какие-то останутся, сохранятся.

Бенедикта Ареггер: А как узнать человеку, какие журналы выходят, потому что все-таки такая...

Борис Путилов: ...прорва (смеется)? Очень много! Очень много, и такая неорганизованная масса. Знаете: что касается книг, то выходит «Книжное обозрение» — еженедельная газета. Что же касается книг, журналов, газетных статей, то выходят еженедельные — «Книжная летопись», «Летопись газетных статей» и «Летопись журнальных статей». Раньше я очень тщательно следил за этим, но давно уже не смотрю. Надеюсь, что они выходят.

Бенедикта Ареггер: В «Книжной летописи» есть все книги, которые издаются?

Борис Путилов: Раньше — полное обозрение, все книги, всё абсолютно: все книги за неделю. У нас это очень хорошо было налажено. У нас существовала так называемая Всесоюзная книжная палата, она получала обязательный экземпляр, и этот обязательный экземпляр описывался в «Книжной летописи». Наши библиотеки получали обязательный бесплатный экземпляр. Сейчас, конечно, это дело немножко «расшаталось», потому что эти частные издательства, иногда пиратские издательства, они, может быть, и не всегда заботятся о том, чтобы их книги становились известны, но газета «Книжная летопись» существует.

Бенедикта Ареггер: Ну тогда...

Борис Путилов: Тогда до следующего раза — да?

Бенедикта Ареггер: Спасибо большое. Надеюсь, что да.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Борис Николаевич Путилов. К 75-летию со дня рождения: [Библиогр. указ.] / отв. ред., авт. вступ. ст. А. С. Мильников, Ч. М. Таксами. СПб.: МАЭ РАН, 1995.

Клейнер Ю. А., Левинтон Г. А., Путилов Б. Н. Чтения А. Б. Лорда // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 150–154.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / пер. с франц. под ред. проф. В. К. Никольского и А. В. Киссина. [М.]: Атеист, [1930] (Л.: Гос. тип. им. Евг. Соколовой).

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937.

Леви-Строс Клод. Структурная антропология: (сб. пер.) / [сост. и пер. с фр. М. К. Рыклина]. М.: ИНИОН, 1980.

Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова; отв. ред. Н. А. Бутинов, Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1983. (Этнографическая библиотека).

²⁶ Юбилейная статья о Б. Н. Путилове опубликована в № 5–6 журнала «Кунсткамера. Этнографические тетради»: (Ревуненкова 1994).

²⁷ В первом номере этого журнала опубликована небольшая статья к юбилею Б. Н. Путилова (Мильников, Таксами 1995).

- Леву-Строс К.* Печальные тропики / [авт. предисл. и коммент. Л. А. Файнберг]. М.: Мысль, 1984.
- Леву-Строс К.* Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994.
- Леву-Строс К.* Мифологики. [В 4 т.] М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 2000. Т. 1: Сырое и приготовленное.
- Лорд А. Б.* Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература РАН, 1994.
- Ляцкий Е. А.* Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение: Изд. Этногр. отдела ИОЛЕАЭ, состоящего при Московском Университете / под ред. Н. А. Янчука. М., 1894. № 4. (Год 6-й, Кн. XXIII). С. 123–124.
- Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл бук, 1998.
- Мид М.* Культура и мир детства: избр. произведения / [пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; сост., авт. послесл., с. 5–30, и отв. ред. И. С. Кон]. М.: Наука, 1988.
- Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934.
- Морган Л. Г.* Лига ходеносауни, или ирокезов / пер. с англ. Е. Э. Бломквист. М.: Наука, 1983.
- Мыльников А. С., Таксами Ч. М.* Борис Николаевич Путилов // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1995. Вып. 1. С. 166–168.
- Народные знания. Фольклор. Народное искусство / отв. ред. Б. Н. Путилов, Г. Штробах. М.: Наука, 1991.
- Путилов Б. Н.* Песни гребенских казаков / подгот. текста, статья и примеч. Б. Н. Путилова; под ред. Н. И. Пруцкова. Грозный: Госиздат, 1946.
- Путилов Б. Н.* Песня об Авдотье Рязаночке (к истории Рязанского песенного цикла) // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1958. Т. 14. С. 163–168.
- Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Путилов Б. Н.* О структуре предметного мира в былинах и юнацких песнях // Serta Slavica. Gedenkschrift für Alois Schmaus (in memoriam Aloisii Schmaus). München: Trofenik, 1971. S. 607–612.
- Путилов Б. Н.* Русская фольклористика у врат свободы // Живая старина. 1994а. № 1. С. 4–6.
- Путилов Б. Н.* Школа Пэрри-Лорда в современном мировом эпосоведении // Живая старина. 1994б. № 2. С. 26–29.
- Путилов Б. Н.* Вернемся к наследию Бронислава Малиновского? // Живая старина. 1994в. № 4. С. 20–25.
- Путилов Б. Н.* Послесловие // Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература РАН, 1994г. С. 323–342.
- Ревуненкова Е. В.* Борис Николаевич Путилов (к 75-летию со дня рождения) // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 5–6. СПб.: МАЭ РАН, 1994. С. 451–471.
- Русский фольклор: библиогр. указ. / сост. М. Я. Мельц; под ред. А. М. Астаховой, С. П. Луппова. Л.: [Б. и.], 1961.
- Русский фольклор: библиогр. указ. / сост. М. Я. Мельц; под ред. А. М. Астаховой, С. П. Луппова. Л.: [Б. и.], 1966.
- Русский фольклор: библиогр. указ. / сост. М. Я. Мельц; под ред. А. М. Астаховой, С. П. Луппова. Л.: [Б. и.], 1967.
- Русский фольклор: библиогр. указ. / сост. М. Я. Мельц; под ред. С. П. Луппова, А. Д. Соймонова. Л.: БАН, 1981.
- Русский фольклор: библиогр. указ.: [в 2 ч.] / сост. М. Я. Мельц; под ред. С. Н. Азбелева, С. П. Луппова. Л.: БАН, 1984–1985. Ч. 1. 1984; Ч. 2. 1985.
- Русский фольклор: библиогр. указ. / сост. Т. Г. Иванова; под ред. А. А. Горелова, Н. П. Копаневой. Л.: БАН, 1987.
- Русский фольклор: библиогр. указ. / сост. Т. Г. Иванова; Под ред. А. А. Горелова, Н. П. Копаневой. Л.: БАН, 1990.
- Русский фольклор: библиогр. указ. / сост. Т. Г. Иванова; под ред. А. А. Горелова, Н. П. Копаневой. СПб., 1993.
- Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М.: Атеист, 1928 (вып. 1–4).
- Фрэзер <Дж. Дж.>* Фольклор в Ветхом Завете / пер. с англ. Д. Вольпина; предисл. В. Никольского. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931.

- Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / ред., послесл. и коммент. С. А. Токарева. М.: Политиздат, 1980.
- Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете / пер. с англ. Д. Вольпина; предисл. и коммент. С. А. Токарева. М.: Политиздат, 1985.
- Malinowski B. A Diary in the Strict Sense of the Term. London: The Athlone Press, 1989.
- Lord Albert B. The Singer of Tales. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1960.
- Stief K. Ранние русские исторические песни // Scando-Slavica. Т. IX. Copenhagen: Munksgaard, 1963. P. 7–21.
- Stief C. Studies in the Russian Historical Songs. København: Rosenkilde and Bagger, 1953.

REFERENCES

- Boris Nikolaevich Putilov. *K 75-letiiu so dnia rozhdeniia*: [Bibliograficheskii ukazatel']. [Boris Nikolaevich Putilov: To his 75th Anniversary: Bibliography]. Ed. by A. S. Myl'nikov, Ch. M. Taksami. St. Petersburg: MAE RAN, 1995. (In Russian)
- Frazer J. G. *Zolotaia vetv'* [The Golden Bough]. Moscow: Ateist, 1928 (issue 1–4). (In Russian)
- Frazer J. G. *Zolotaia vetv'*: *Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Moscow: Politizdat, 1980. (In Russian)
- Frazer <J. G.> *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folk-lore in the Old Testament]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, 1931. (In Russian)
- Frazer J. G. *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folk-lore in the Old Testament]. Moscow: Politizdat, 1985. (In Russian)
- Kleiner Yu. A., Levinton G. A., Putilov B. N. Chteniia A. B. Lorda [The Lord Readings]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 1, pp. 150–154. (In Russian)
- Lévy-Bruhl L. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Mentality]. Ed. by V. K. Nikol'skiy, A. V. Kissin. Moscow: Ateist, 1930. (In Russian)
- Lévy-Bruhl L. *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii*. [Primitives and the Supernatural]. Moscow: OGIZ, 1937. (In Russian)
- Lévi-Strauss K. *Mifologiki. T. 1: Syroe i prigotovlennoe* [Mythologiques. Part 1. The Raw and the Cooked]. Moscow; St. Petersburg: TsGNII INION RAN, 2000. (In Russian)
- Lévi-Strauss K. *Pervobytnoe myshlenie* [The Savage Mind]. Moscow: Respublika, 1994. (In Russian)
- Lévi-Strauss K. *Pechal'nye tropiki* [Sad Tropics]. Moscow: Mysl', 1984. (In Russian)
- Lévi-Strauss Klod. *Struktornaia antropologiiia* [Structural Anthropology]. Moscow: INION, 1980. (In Russian)
- Lévi-Strauss K. *Struktornaia antropologiiia* [Structural Anthropology]. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
- Liatskii E. A. Skazitel' I. T. Riabinin i ego byliny [The Singer of Tales I.T. Riabinin and his Bylinas]. *Etnograficheskoe obozrenie: Izd. Etnogr. Otdela IOLEAE, sostoiashchego pri Moskovskom Universitete*. Ed. by N. A. Yanchuk. Moscow, 1894, no. 4. (God 6-i, Book XXIII), pp. 123–124. (In Russian)
- Lord Albert B. *The Singer of Tales*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1960.
- Lord A. B. *Skazitel'* [The Singer of Tales]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 1994. (In Russian)
- Malinowski B. *A Diary in the Strict Sense of the Term*. London: The Athlone Press, 1989. (In English)
- Malinowski B. *Magiia, nauka i religiiia* [Magic, Science, and Religion]. Moscow: Refl buk, 1998. (In Russian)
- Mead M. *Kul'tura i mir detstva: Izbrannye proizvedeniia* [Culture and the World of Childhood: Selected Works]. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)
- Morgan L. G. *Drevnee obshchestvo ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii*. [Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, Through Barbarism to Civilization]. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1934. (In Russian)
- Morgan L. G. *Liga khodensauni, ili irokezov* [The League of the Ho-dé-no-sau-nee or Iroquois]. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
- Myl'nikov A. S., Taksami Ch. M. Boris Nikolaevich Putilov [Boris Nikolaevich Putilov]. *Kur'er Petrovskoi Kunstkamery*, 1995, issue 1, pp. 166–168. (In Russian)
- Narodnye znaniia. Fol'klor. Narodnoe iskusstvo* [Folk Art]. Ed. by B. N. Putilov, G. Shtrobakh. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian)
- Putilov B. N. *Pesni grebenskikh kazakov* [The Songs of Grebenskie Cossacks]. Groznyi: Gosizdat, 1946. (In Russian)

Putilov B. N. Pesnia ob Avdot'e Riazanochke (k istorii Riazanskogo pesennogo tsikla) [The Song about Avdot'ia Riazanochka (To the History of Riazan Song Cycle)]. *TODRL. Vol. 14*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1958, pp. 163–168. (In Russian)

Putilov B. N. *Russkii istoriko-pesennyi fol'klor XIII–XVI vekov*. [Russian Song Folklore of the 13–16th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960.

Putilov B. N. O strukture predmetnogo mira v bylinakh i iunatskikh pesniakh [On the Structure of the Material World in Epics and Iunatskii Songs]. *Serta Slavica. Gedenkschrift für Alois Schmaus (in Memoriam Aloisii Schmaus)*. München: Trofenik, 1971, S. 607–612. (In Russian)

Putilov B. N. Russkaia fol'kloristika u vrat svobody [Russian Folklore at the Gates of Freedom]. *Zhivaia starina*, 1994, no. 1, pp. 4–6. (In Russian)

Putilov B. N. Shkola Perri-Lorda v sovremennom mirovom eposovedenii [Perry-Lord School in the Modern World Epic Studies]. *Zhivaia starina*, 1994, no. 2, pp. 26–29. (In Russian)

Putilov B. N. Vernemsia k naslediiu Bronislava Malinovskogo? [Coming Back to the Heritage of Bronislaw Malinowski?]. *Zhivaia starina*, 1994, no. 4, pp. 20–25. (In Russian)

Putilov B. N. Posleslovie [Afterword]. *Lord A. B. Skazitel'* [The Singer of Tales]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 1994, pp. 323–342. (In Russian)

Revunenkov E. V. Boris Nikolaevich Putilov (k 75-letiiu so dnia rozhdeniia) [Boris Nikolaevich Putilov (To his 75th Anniversary)]. *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi*. St. Petersburg, 1994, issue 5–6, pp. 451–471. (In Russian)

Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel'. 1945–1959 [Russian Folklore: A Bibliographic Index. 1949–1959]. Compiled by M. Ya. Mel'ts. Ed. by A. M. Astakhova, S. P. Luppov. Leningrad: [B. i.], 1961. (In Russian)

Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel'. 1917–1944 [Russian Folklore: A Bibliographic Index. 1917–1944]. Compiled by M. Ya. Mel'ts. Ed. by A. M. Astakhova, S. P. Luppov. Leningrad: [B. i.], 1966. (In Russian)

Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel'. 1960–1965 [Russian Folklore: A Bibliographic Index. 1960–1965]. Compiled by M. Ya. Mel'ts. Ed. by A. M. Astakhova, S. P. Luppov. Leningrad: [B. i.], 1967. (In Russian)

Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel'. 1901–1916 [Russian Folklore: A Bibliographic Index. 1901–1916]. Compiled by M. Ya. Mel'ts. Ed. by S. P. Luppov, A. D. Soimonov. Leningrad: BAN, 1981. (In Russian)

Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel'. 1966–1975: [v 2 chastiakh] [Russian Folklore: A Bibliographic Index. 1966–1975. In 2 parts]. Compiled by M. Ya. Mel'ts. Ed. by S. N. Azbelev, S. P. Luppov. Leningrad: BAN, 1984–1985. Part 1, 1984; Part 2, 1985. (In Russian)

Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel'. 1976–1980 [Russian Folklore: A Bibliographic Index. 1976–1980]. Compiled by T. G. Ivanova. Ed. by A. A. Gorelov, N. P. Kopaneva. Leningrad: BAN, 1987. (In Russian)

Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel'. 1881–1900 [Russian Folklore: A Bibliographic Index. 1881–1900]. Compiled by T. G. Ivanova. Ed. by A. A. Gorelov, N. P. Kopaneva. Leningrad: BAN, 1990. (In Russian)

Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel'. 1981–1985 [Russian Folklore: A Bibliographic Index. 1981–1985]. Compiled by T. G. Ivanova. Ed. by A. A. Gorelov, N. P. Kopaneva. St. Petersburg: BAN, 1993. (In Russian)

Stief K. Rannie russkie istoricheskie pesni. [Early Russian Historical Songs] *Scando-Slavica*. Copenhagen: Munksgaard, 1963, vol. IX, pp. 7–21. (In Russian)

Stief C. *Studies in the Russian Historical Songs*. København: Rosenkilde and Bagger, 1953.

Submitted: 07.12.2020

Accepted: 20.01.2021

Published: 01.04.2021